

РЕЦЕНЗИЯ

СОЗНАНИЕ У ГРАНИЦ ИЗМЕРИМОСТИ

Размышления о новой книге В.Ф. Петренко «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» (М.: Новый хронограф, 2010)

В наши дни сознание, как и прежде, остается важнейшей проблемой и философии, и психологии. И несмотря на множество научных работ, выполненных в этой области, данный феномен в ряде отношений продолжает ускользать от исследователей, открываясь новыми сторонами и измерениями и оставаясь не до конца определенным.

Эту загадочность сознания нечасто артикулируют авторы, всерьез занятые данной темой. Книга В.Ф. Петренко — редкое исключение. Написанная хорошим научным языком, при этом не лишенная художественных достоинств, она вводит в мир многомерности сознания, с одной стороны, через специфическую парадигму и методы психосемантики, с другой — открывая сложную феноменологию сознания, представленную в широком спектре от обыденного уровня до сферы искусства, от патологии до высокой духовности. Все это не отменяет того факта, что автором книги задается достаточно высокая планка интеллектуальных исканий, и это требует от читателя самостоятельных и серьезных мыслительных усилий.

Один из ходов мысли автора невольно оппонирует представлениям Дэвида Юма, как бы предлагая решение тех проблем, которые поставил, но не решил шотландский философ. Речь идет о ведущей идее В.Ф. Петренко — социальных формах конструирования сознания. Мне это бросилось в глаза в особенности потому, что чтение новой книги В.Ф. Петренко

совпало с работой по исследовательскому проекту о Д. Юме, со дня рождения которого в 2011 г. исполняется 300 лет. Шотландский мыслитель был одним из тех, кто наиболее остро поставил проблему сознания как в философии, так и в подспудно формирующейся психологической науке. При этом он выявил те тупики этой проблемы, которые и сегодня создают немало трудностей и для философов, и, смею полагать, для психологов. Поэтому, прежде чем обратиться к ключевым идеям книги В.Ф. Петренко, позволю себе сказать сначала несколько слов о Юме и современном состоянии проблемы сознания.

«Говоря коротко, существуют два принципа, которые я не могу согласовать друг с другом и ни одним из которых в то же время не в силах пожертвовать, а именно: наши отдельные восприятия суть отдельные предметы (*existences*) и наш ум никогда не воспринимает реальной связи между отдельными предметами» (Юм, 2009, с. 379). Так Юм подытоживает свой анализ сознания в самом конце первого тома «Трактата о человеческой природе». Итог неутешителен. Шотландскому мыслителю трудно обойти несовместимость своих двух центральных утверждений: возможности непосредственного наблюдения отдельных впечатлений и возможности наблюдения того, как они комбинируются, т.е. связываются между собой. Говоря современным языком, *интенциональность* (пусть и не в строгом феноменологическом смысле) сознания,

его нацеленность на объект никак не согласуется с его *рефлексивностью*, способностью управлять сознанием; они противятся друг другу. Первичные данности сознания и его активность, создающая эти данности, — вещи, конечно же, трудно совместимые по определению. А без этого картина сознания остается противоречивой и фрагментарной, в особенности в условиях юмовского отрицания духовной субстанции и мыслящего Я. Попробуем разобраться в причинах этого.

Картина человеческого сознания, по Юму, зиждется на четырех основаниях: 1) индивидуальном субъекте (индивидуализм); 2) понимании сознания из самого себя, его самоочевидности (интроспекционизм); 3) образе сознания как совокупности отдельных восприятий и идей (номинализм); 4) отказе от вопроса о связи сознания и внешней реальности (скептицизм).

Следует признать (и это Юм периодически делает сам), что все эти основания несовместимы друг с другом. Так, Юм предпринимает анализ сознания, апеллируя исключительно к *индивидуальному самонаблюдению* и не учитывая ни существование других сознаний, ни процессы коммуникации. Однако ни о каком индивидуальном субъекте не может идти и речь, как скоро понятие субъекта предполагает единство личности, которое Юм последовательно отрицает. Далее Юм исходит из открытости данных сознания для наблюдения и не видит никаких границ, которые могли бы препятствовать аналитическому проникновению в глубины сознания. И вместе с тем, если учитывать, что восприятия различаются в силе и живости, то тогда могут существовать такие слабые и неотчетливые восприятия, которые практически не доступны рефлексии. Одновременно границы самонаблюдению ставят некоторые идеи, природа и происхождение которых остаются непонятны. Такова, к примеру, идея

причинности, которую не спасает ссылка на привычку воспринимать явления так, как если бы одно было следствием другого. Ведь привычка — это нечто вроде индуктивного обобщения, к которому применима известная «гильотина Юма», согласно которой нельзя с достоверностью заключить от фактов к понятиям. Одновременно привычка — это наблюдение повторяющейся последовательности восприятий, что в свою очередь уже предполагает такие идеи, как время и связь, которые обосновать не легче, чем саму идею причинности. Ведь они противоречат юмовскому номинализму, согласно которому каждое восприятие автономно, т.е. порядок и связь восприятий не могут наблюдаться непосредственно, являясь рефлексивным выводом из наблюдений. Наконец, невозможность обоснования какой-либо связи сознания и реальности, с одной стороны, последовательно принимается Юмом. Но, с другой, если мы имеем возможность отрицать такую связь, это значит, что мы хотя бы разграничиваем эти две автономные сферы, что уже является выходом за пределы сознания. И в этом вопросе Юм сознательно выходит за пределы философии. Реальность — это продукт повседневного сознания, пребывающая в котором, человек убежден в возможности познания мира и в том, что факты его сознания как-то соответствуют элементам реальности. Сознание же, взятое в качестве предмета философского анализа, не допускает обоснованного выхода за свои пределы, по сути, просто исключая из рассмотрения всякую онтологическую проблематику.

Важнейший итог юмовского анализа сознания состоит в том, что он исчерпал все возможности индивидуалистической интерпретации сознания, приведя к феноменалистической картине не связанных друг с другом ментальных состояний. Во многом именно феноменализм Юма как последний результат радикальной

картезианской редукции и становится объектом рецепции современной феноменологии¹. Юм показал на своем собственном примере тщету всех попыток обосновать сознание изнутри, из себя самого, как форму самодостаточной «субъективной реальности». Кстати, понятия «субъективная реальность» некоторые авторы придают большое значение, полагая, что оно как-то способствует разгадке тайны сознания и даже призвано заменить последнее. Эту «последнюю субъективность» Юм характеризовал как способность непосредственного восприятия своих ментальных состояний и способность их комбинирования. Он считал эти черты сознания фундаментальными и далее необъяснимыми.

Дальнейшее развитие философии, психологии, нейрофизиологии и целого ряда гуманитарных наук привело к важнейшим результатам именно с помощью определенных процедур редукции ментальных состояний к поведенческим актам, формам телесности, языку, коммуникации, артефактам культуры. Субъективный остаток, в принципе недоступный опредмечиванию и редукции, представляет собой, по сути, результат неспособности сознания справиться с хаосом бессмысленных восприятий. Однако эта беспомощная явленность сознания для человека — отнюдь не единственный и не последний результат интроспекции. Именно данность сознания как «своего другого», как нечто чуждого, как своего предмета и должно наводить на мысль о том, что сознание — продукт не себя самого, не функция серого вещества, но результат контакта как минимум двух

субъектов коммуникации². Когда грудной ребенок, еще не обладающий сознанием Я, сталкивается (при внезапном пробуждении, падении с дивана или иной травмирующей ситуации) с неуправляемым и потому болезненным хаосом своих восприятий, он требует контакта с взрослым, который для него выступает критерием реальности и источником трансцендентальной апперцепции. Супер-Эго Фрейда рождается до субъективного Эго и даже порождает последнее как свой уменьшенный аналог. Человек создается по образу и подобию Бога. Культура творит личность. Все это — формулировки одного и того же. Только посмотревшись в другого, как в зеркало («зеркало Я»), можно увидеть, точнее, создать себя. Сознание есть не продукт эволюции мозга, организма в целом, но функция коммуникации. Оно зарождается не «внутри», не в голове, но «снаружи», в общении с другими. И это справедливо как для фило-, так и для онтогенеза.

Идея Л.С. Выготского о знаковом опредмечивании психики как условии ее развития вносит вклад в решение этой фундаментальной проблемы, которая обнаруживает актуальность и для современной эпистемологии, и для целого блока наук, изучающих познавательный процесс (истории науки, лингвистики, социологии, этнографии). Это решение заключается в принципиальном пересмотре соотношения понятий «внешнее — внутреннее» и «социальное — психическое». Л.С. Выготский даже рискует сформулировать нечто вроде универсального закона культурного развития, или развития психических функций, или эволюции сознания: «...Всякая

¹ Юм и феноменология — одна из основных тем ближайшей Юмовской конференции (37th International Hume Conference, University of Antwerp, Department of Philosophy, Belgium, July 6–10, 2010). Об отношении феноменологов к наследию Юма см. например (Mall, 1973).

² Рассмотрение проблемы другого сознания должно начинаться не с уточнения понятия сознания как такового, но с анализа понятия «Другой», производным от которого сознание и является, как понял уже Фихте, но до сих пор отказываются осознать некоторые мыслители (Дубровский, 2008).

функция в культурном развитии ребенка (но также и в филогенезе. — *И.К.*) появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — в социальном, потом — психологическом, сперва — между людьми, как категория интерпсихическая, затем — внутри ребенка (человека вообще. — *И.К.*), как категория интрапсихическая... За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей» (Выготский, 1983, с. 145; Касавин, 2009).

Отсюда и подход к сознанию как не к тому, что «внутри головы», а как к (символическому, языковому, культурному) отношению между людьми при посредстве изобретаемых ими средств (знаков, инструментов, артефактов культуры). В таком случае нет нужды в «расшифровке мозговых кодов» для понимания тайны сознания, в первую очередь его высших проявлений. Естественно, сознание зависит от мозга, мозг зависит от сознания. Мозг — это «внутренняя часть» сознания; деятельность и коммуникация — его «внешняя часть». Но разве для психологии и философии может существовать нечто «посередине», нечто «чисто ментальное», такая «субъективная реальность», которая была бы недоступна объективации, трансляции и редукции? Юм отчетливо выражал эти сомнения, ссылаясь на «привычку» (по существу, индуктивную историю индивидуальной психики) как на объяснительный принцип феноменов сознания. «Сами по себе», т.е. вне онтогенеза, коммуникации, деятельности, у человека есть лишь смутные психические состояния, нормальное существование которых требует внешних — культурных — форм.

Именно поэтому столь трудной для решения оказывается пресловутая проблема *qualia*, которая в истории философии известна как проблема «вторичных качеств». В самом деле описать свои состояния сознания, относящиеся к восприятию, бывает весьма затруднительно.

Это показывают сложности диагностики внутренних заболеваний по самоотчетам пациента, когда нужно артикулировать ощущения собственного тела, в т.ч. проприоцептивные ощущения); об этом свидетельствует невыразимость в языке многих контактных ощущений — вкусов и запахов. Поэтому не следует поддаваться иллюзии, что сознание можно понять только из него самого, путем интроспекции. Полагаю, что нельзя понять его также лишь из морфологии и функционирования мозга. Нужно изучать в первую очередь *социальные формы конструирования сознания*, данные нам в качестве культурных объектов — для понимания коллективного сознания (в этом идея «Психологии искусства» Л.С. Выготского), или представленные в индивидуальных формах деятельности и коммуникации — для понимания индивидуального сознания, как делают, например, психоаналитики и психолингвисты. Это и есть вывод, перед которым остановился Юм и к которому пришло, на мой взгляд, современное развитие философии и специальных наук. Он обладает позитивной методологической ценностью для психологии и одновременно указывает место паразитирующим на нейронауке философам-натуралистам, ограничивая их претензии на объяснение сознания.

Это отступление показалось мне излишним в ходе размышления о книге В.Ф. Петренко, поскольку очерчивает оппонентный круг автора. Книга репрезентирует научное направление, которое В.Ф. Петренко развивает уже многие годы. Особенность этого направления состоит, среди прочего, в том, что оно удивительным образом совмещает в себе внимание к феноменам сознания, как они даны субъекту, который их артикулирует, одновременно — к социальным механизмам, которые конструируют эти феномены, так сказать, «извне». Тем самым, как мне представляется, в значительной мере

решается (и одновременно переосмысливается) проблема Юма, о которой шла речь выше — несовместимость данности и активности в сознании. Еще один момент, который бросается в глаза при чтении указанной книги — в ней фокусируются конфликтующие научные традиции и отображаются самые острые дискуссии современности.

В наши дни психология представляет собой область знания, в которой сосуществует и конкурирует множество направлений и течений — от обновленных версий структурализма, функционализма и психоанализа до бихевиоризма, когнитивизма, гуманистической психологии и пр. При этом она до сих пор не окончательно разорвала связи, соединявшие ее с философией, и многократно упрочила взаимодействие с широким кругом естественно-научных (биология, нейрофизиология, информатика) и социогуманитарных (социология, лингвистика, этнография, педагогика) дисциплин.

Современная психология — в подлинном смысле *междисциплинарное исследование*, требующее от ученого обширной эрудиции и технической осведомленности. Однако теоретическое осмысление своей деятельности у психологов, как и у многих других специалистов, отстает от практики, что порождает противоречивую и изменчивую картину психологического знания, вызывающую определенную неудовлетворенность. Впрочем, представители этой дисциплины всегда проявляли завидную самокритичность и неустанно твердили о «кризисе в психологии». При этом предлагались и до сих пор предлагаются решительные меры по выходу из кризиса путем создания «подлинно научной» психологии или, напротив, объединения психологии с искусством или даже с религией.

Известный британский философ и психолог Р. Харре так характеризует современное состояние психологической

науки: «По-видимому, с началом XXI века противоречивая и нестабильная дисциплина “академическая психология” распадается на две различных и абсолютно несравнимых между собой области. Дискурсивная психология концентрируется на использовании значения в мире норм, в то время как нейропсихология — на исследовании процессов в мозге, слабо связанных с интуитивно определяемыми когнитивными процессами» (Харре, 2005, с. 38). Однако современная ситуация на поверку есть своеобразное воспроизводство тех контроверз, которые уже более полувека тому назад выявил Л.С. Выготский. Обращая внимание на «роковую для всей эмпирической психологии проблему объяснения», он указывал на противостояние понимающей психологии и психоанализа как своего рода метафизического и натуралистического подходов (Выготский, 1983, с. 20), а также раскол психологии вообще на два лагеря, характеризующиеся, соответственно, социокультурной и естественно-научной ориентациями.

В этом своеобразном кризисе выразилось расхождение между учеными по поводу фундаментальной философско-психологической проблемы. Так, и в то время, и сегодня по-прежнему остро стоит проблема понимания того, что такое сознание. Может ли оно быть понято в терминах нейрофизиологических и вычислительных процессов, возможен ли «язык мысли»? (Fodor, 1975). Или значительно более существенна связь психических процессов, происходящих в человеческом мозгу, с деятельностью человека в предметном мире?

Контекст существования психологической науки не только необходимо учитывать, читая новую книгу члена-корреспондента РАН В.Ф. Петренко. Этот контекст присутствует в ней и в скрытом, и в явном виде, оттеняя аргументы и мотивы той полемики, которой пропитаны

все главы. Так, автор с сожалением констатирует утрату большинством современных психологов «сверхзадачи»: «На смену творцам и мыслителям, занятым служением науке, приходят «специалисты» и профессионалы, имя которым — легион, занятые обслуживанием клиента. Произошло значительное смещение акцентов от решения проблем самой психологической науки... к решению массовых прикладных задач типа: психодиагностика и ассессмент сотрудников фирм и предприятий; формирование имиджа политика, товара, фирмы; психотерапия или психокоррекция пациента» (Петренко, 2010, с. 48).

Отсюда потребность автора в сознательном воссоздании контекста — социального, культурного, научного, личного — развития психологической науки в том виде, как она существовала в доперестроечные времена. И он применяет свой метод *психосемантического анализа* (Петренко, 2005а) к реконструкции места школы выдающегося советского психолога А.Н. Леонтьева (одним из наиболее талантливых учеников которого является В.Ф. Петренко) в мировой психологии. Не вдаваясь в методологические детали психосемантики, отмечу, что в данном случае В.П. Петренко выделяет основные психологические концепты, определяющие исследовательскую стратегию школы Леонтьева в парном сопоставлении с иными психологическими школами (базисные «конструкты») и позволяющие осуществить шкалирование всех психологических школ по степени выраженности конструкта. Полученная матрица данных подвергается затем процедуре факторного и кластерного анализа. Результатом является построение семантического пространства, отражающего внушительное место школы А.Н. Леонтьева в панораме психологии XX века.

Мировой уровень российского психологического наследия, в сравнении

с современным состоянием науки, подводит автора к необходимости укрепления статуса психологии и науки в целом в ментальном пространстве современного российского общественного сознания. «Восприятие науки как некоей трансцендентальной ценности и служение ей кажется мне отличительной чертой и наших отцов-основателей отечественной психологии, — пишет В.Ф. Петренко. — Продолжая их дело, мы должны сохранить то особое корпоративное самосознание как принадлежность к особому сообществу избранных, помогающих обществу и отдельному человеку осознать самих себя» (Петренко, 2010, с. 49). Так с самого начала автор задает масштабную систему координат, пространство собственных размышлений и оценок как фон той самой психосемантической парадигмы — программы, заявленной в подзаголовке книги.

Исходным пунктом этой программы является интегральное понятие картины мира, выступающее в рамках психологии как *картина жизненного мира человека* — совокупность моделей различных аспектов действительности, данных сквозь призму научных, обыденных, религиозных и прочих форм сознания, нагруженных личностными смыслами и эмоциональными состояниями. Такого рода картина характеризует прежде всего коллективное сознание группы или целой эпохи, одновременно через набор базисных смыслов-конструктов задавая смысл и значение образам и понятиям индивидуального сознания. Экспериментальная психосемантика, наследуя ряд понятий и методов мировой психологии, является именно той областью, которая изучает картину мира индивидуального или коллективного субъекта. Будучи направлена на анализ *форм существования значений* в человеческом сознании, психосемантика опирается на методологию школы Выготского—Леонтьева—Лурии и при этом

заимствует технический инструментарий американской психологии (метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, метод репертуарных решеток Дж. Келли), а также аппарат многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания.

В.Ф. Петренко подчеркивает, что способы категоризации суть прежде всего *социальные формы конструирования сознания* каждого отдельного человека, формы существования типического в индивидуальном. В этом смысле они как бы навязываются сознанию извне, из чего некоторые исследователи делают вывод о том, что познающий субъект — своего рода индуктор, воспринимающий готовые и вечные идеи из некоего их резервуара. Автор расходится с этой позицией, утверждая, что формы всеобщности не только культивируются вовне головы, но и конструируются отдельным человеком в процессе общения и деятельности. Более того, размерность категориальной матрицы может существенно меняться в зависимости от ее аффективной нагруженности: пространство и время индивидуального сознания пульсируют, сжимаются и расширяются, субъект переходит с одного на другой уровень осознания под влиянием эмоционального состояния. Мыслящий субъект является таким образом носителем уникального психосемантического пространства, сам конструирует свою картину мира, а не принимает ее в качестве готового продукта общества и культуры. В противном случае можно было бы ограничиться анализом коллективного сознания, как происходит в классической психометрике, редуцирующей индивидуальные данные к статистическим нормам.

Субъект вообще неотделим от своего знания, которое не может быть полностью смоделировано техническими средствами; всегда остается зазор, описываемый такими понятиями, как «воля», «свобода

выбора», «возможность духовного развития», «творчество». Это обстоятельство отличает тот образ знания, который сложился в психосемантике как гуманитарной науке, от представлений о знании, бытующих в среде естествоиспытателей. Психология, несмотря на использование точных методов, остается наукой гуманитарной, и ее предметом является знание в форме понимания, знание, неотчуждаемое от постоянной эволюции самого субъекта. Не только и не столько «объективные данности» сознания, сколько *вер* возможностей, открывающихся человеку, проектирующему самого себя, — вот что пытается ухватить психосемантика. «Картина мира, таким образом, раскрывается через становление самого субъекта в широком контексте его смыслообразования “еще не ставшего бытия”, в контексте мало изученной категории “судьбы”, а может, и в ее преодолении. Ибо эволюционируют не только наши знания о человеке, но и он сам в ходе осознания самого себя», — утверждает В.Ф. Петренко (Петренко, 2010, с. 86).

С этих позиций автор включается в дискуссию о природе истины, развернутую в журнале «Психология»³, и заявляет свою точку зрения относительно природы психологического знания, методов психологического исследования, теории отражения и понятия психологической реальности (Петренко, 2005б, с. 93–101; 2010, с. 89–103). Сложность сознания как многомерного феномена, отмечает В.Ф. Петренко, выражается в многообразии психологических теорий и методов, которые фактически имеют дело с разными объектами исследования. Так, психофизику отделяет от социальной психологии значительно большая дистанция, чем социальную психологию от социологии. Поэтому и методологические проблемы

³ Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 1.

и понятия обретают в отдельных областях психологического знания разное значение. В.Ф. Петренко оспаривает тезис о возможности построения своего рода «методологической вертикали» для единственно правильной теории (В.М. Аллахвердов). Из этого жесткого тезиса вытекает, что не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности, когнитивизм и гуманистическая психология; истинным может быть в лучшем случае лишь один из этих способов описания сознания. Но так ли это на самом деле?

Конечно, понятна озабоченность некоторых психологов методологическим кризисом в современной психологии, и в частности проблемой объективных критериев научных достижений. Однако принятие в психологии концепции единственной истины как соответствия знания реальности не ликвидирует эти трудности и не позволяет однозначно отсечь от науки графоманов, шарлатанов и безумцев. Ведь новая идея нередко выглядит достаточно «безумной» (Н. Бор), чтобы ее отвергнуть; ей часто не хватает эмпирического подтверждения и системной строгости, но немедленное объявление ее ложной затормозит прогресс науки. Достоверность знания подтверждается *системой многообразных критериев*, которые обычно используются в естествознании, но для гуманитарных наук требуется и ряд дополнительных. Это связано с тем, что в психологии, в частности, исследуется не просто саморазвивающийся объект, но такой, который может изменяться под влиянием самого процесса исследования. Человек — это проект, ориентированный моделью потребного будущего (Н.А. Бернштейн), и потому «описывать человека “как он есть на самом деле” (мы же не физики, а психологи) так же неразумно, как пересказывать содержание романа, прочитав только начало», — иронически замечает В.Ф. Петренко (Петренко, 2010, с. 96). И говорить

о поиске истины, как будто она существует где-то за пределами самого исследования, в объективном мире, представляется не просто упрощением, но искажением картины психологического знания. Есть основания полагать, что и в физике, умудренной опытом квантовой механики, также приходится говорить об истине не как отображении реальности самой по себе, но как производной от определенных экспериментальных ситуаций и математических моделей.

«Необходимость концептуального анализа базовых понятий, требующая совместной работы психологов, лингвистов и логиков (замечу от себя — и философов. — *И.К.*) ...мало осознается подавляющим большинством отечественных психологов, стоящих на позиции наивного реализма и бездумно оперирующих понятиями “объективная действительность”, “психологическая реальность” как некоей непосредственной психологической данностью», — с сожалением заключает В.Ф. Петренко (с. 102).

Обсуждение методологических проблем науки приводит автора к необходимости обоснования конструктивистской парадигмы в современной психологии, и в частности психосемантики как ее последовательной реализации. Замечу, что философы обычно понимают конструктивизм как направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, использующего специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений. Таким образом, конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием. Это альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологическому реализму.

Соглашаясь в основном с этой позицией, В.Ф. Петренко предпринимает

последовательную критику теории отражения, исчерпавшей себя применительно к анализу сознания. Автор показывает, что уже выдающиеся советские физиологи и психологи (Н.А. Бернштейн, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев) фактически отказывались от нее, вводя такие понятия, как уже упомянутая «модель потребного будущего», «бытие», «образ мира». Тем самым, «объективный метод» в психологии уходил от сведения всего содержания сознания к физиологическим коррелятам психических процессов. В предлагаемом психологами и философами понятии «психическая реальность» (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили, 1977) акцент смещается с субстанциалистской трактовки объективного как доступного остенсивным определениям к функционально-операциональному определению реального как опосредующего индивидуальную психику и деятельность.

В современной конструктивистской психологии, берущей начало от теории личностных конструктов Дж. Келли, познающий субъект, подобно ученому, выдвигает и проверяет альтернативные гипотезы о мире, и поведение субъекта рассматривается не как реакция на внешние стимулы, а, скорее, как вопрос, поставленный миру. Аналогично и анализ психики реального человека или группы не может осуществляться иначе как с помощью конструирования присущего им образа мира и затем тестирования его в процессе коммуникации психолога и исследуемого субъекта. Тем самым психология примыкает к междисциплинарной методологической программе конструктивизма, которая коренится еще в трудах Евклида, И. Канта, Г. Фреге и Г. Динглера и сегодня находит распространение в самых разных науках о природе и обществе. Более того, В.Ф. Петренко на примере анализа идей К. Маркса и З. Фрейда показывает роль их идей «в порождении

и конструировании социального бытия, где они интерпретируются не как формы отражения, а как некие возможные модели бытия, оказывающие обратное влияние на само описываемое бытие» (Петренко, 2010, с. 122). В этом смысле концептуальные конструкции, являясь плодом работы теоретика, не только позволяют систематизировать и категоризировать эмпирические данные, но и создают сами условия их получения, а будучи усвоенными культурой, становятся релясами, по которым движется история.

Рискну в нескольких пунктах подытожить основные философско-методологические постулаты психосемантики. Ясно, что в ней реализуется деятельностный подход, сложившийся в российской психологии и философии XX века. Этот подход объединяется в психосемантике с идущим от М.М. Бахтина коммуникативно-семиотическим и культурно-историческим пониманием сознания, в котором «субстратом» сознания является система значений, данных в единстве с чувственной тканью и личностным смыслом. Причем сами значения выступают в качестве свернутой, превращенной формы деятельности, которая подлежит не простой лингвистической интерпретации, но оценивается в режиме искусственных, экспериментально заданных действий испытуемого.

Далее, психосемантика изучает сознание человека как пристрастного субъекта познания и деятельности, в картину мира которого включены его язык, культура, система индивидуальных и коллективных ценностей, то есть его «мир существования как мир человеческого страдания» (С.Л. Рубинштейн). Такого рода исследование строится не столько как описание некоей реальности, сколько как ее создание, конструирование возможных миров, в которые вписывается и образ (реконструкция) самого человека. Используя субъективные семантические

пространства как операциональные модели индивидуального и общественно-го сознания, психосемантика совмещает *когнитивистские и интуитивистские подходы в психологии*. Так, если само семантическое пространство конструируется с использованием многомерной статистики, факторного и кластерного анализа, то обобщение исходного материала, а также последующая интерпретация результатов осуществляется путем обращения к методам понимания и эмпатии – интуитивного и интроспективного вслушивания и вчувствования в переживания испытуемого. Математические процедуры в психосемантике не имеют своим предметом сознание «как оно есть», но лишь подготавливают информацию в компактной и структурированной форме, которая подлечит процедуре герменевтической интерпретации. Как пишет В.Ф. Петренко, «облако смыслов субъекта по поводу объектов некоторой содержательной области (коннотативных значений), представленное в форме координатных точек в семантическом пространстве, не описывает некий объект анализа, а представляет собой, скорее, ориентировочную основу для эмпатии, встраивания одного субъекта в сознание другого» (Петренко, 2010, с. 196).

Наконец, психосемантика принимает принцип множественного описания сознания («картины мира») в зависимости от позиции наблюдателя, а также принцип многообразия, сценарного проектирования и прогнозирования применительно к развитию сознания как отдельного человека, так и группы (нации, государства). Методологический аппарат психосемантики, будучи достаточно сложным, ориентируется на изучение еще более сложных саморазвивающихся систем с обратной связью, которой и является человеческое сознание в контексте деятельности и общения.

К сожалению, я не могу в равной мере уделить внимание всем главам книги

В.Ф. Петренко, однако нужно отметить, что добрая половина текста содержит конкретные приложения психосемантического метода к исследованию самых разнообразных объектов. Здесь и кросс-конфессиональная религиозная картина мира, которая сопрягается с проблематикой террористической угрозы, и психосемантика массовых коммуникаций, и исследование идеологических процессов, и анализ художественной литературы и живописи, и изучение измененных состояний сознания и медитации. Автор представляет психосемантику как синтетическую психологическую науку междисциплинарного типа, использующую современные методы точного исследования, вдумчивый концептуальный анализ и творческое воображение для обращения к животрепещущим проблемам современности. Читать книгу не только поучительно, но и интересно, ибо в ней присутствует подлинное свидетельство научного поиска – элементы острой дискуссионности и стилистической неотшлифованности.

Среди множества тайн, над которыми бьются ученые, проблема человеческого сознания вне конкуренции. Ведь именно благодаря сознанию нечто может стать тайной, или, говоря слова Иммануила Канта, заставить человека поражиться совершенству окружающего мироздания и присутствию морального закона в нем самом. Всякая тайна пробуждает неустанное любопытство и творческое воображение, без чего нет научного поиска. Даже оставаясь неразгаданной, она приводит человека на путь открытий, на дорогу познания того, что может быть познано и поставлено на службу обществу.

Автор этих строк в полной мере осознал трудность задачи, за которую он взялся, будучи не психологом, а философом, пусть и размышляющим о природе сознания. Пойти на это побудило то обстоятельство, что, как верно отметил А.М. Улановский, один из учеников

В.Ф. Петренко, книга представляет психосемантику «не просто как область исследований и методологию, но как подход к сознанию и как определенную эпистемологическую позицию» (Улановский, 2010, с. 428). Читателю предстоит убедиться, что книга В.Ф. Петренко затрагивает вопросы высокой степени общности, интересные не только для психолога, но для всякого образованного человека, размышляющего о загадках сознания. Психосемантика, соединяя в себе разные методы исследования, предстает здесь как отражение состояния современной психологии, в которой сосуществуют когнитивизм и психоанализ, культурно-исторический подход и проблематика искусственного интеллекта, психофизика и дискурс-анализ. Среди достоинств книги и то, что она побуждает к постановке ряда вопросов, далеко выходящих за ее пределы, скажем, такого: в какой степени совместимы и взаимодополнительны результаты шкалирования, факторного и кластерного анализа, обработанные с помощью методов математической статистики, с одной стороны, и методы интерпретации результатов, призванные учесть реальную содержательную и во многом неосознаваемую сложность картины жизненного мира и эмоционального состояния индивида – с другой? Эта проблема иллюстрирует главные методологические полюса концепции В.Ф. Петренко, но, конечно же, остается без окончательного ответа, ориентируя на дальнейшие исследования.

При всей сложности обсуждаемых автором тем главная его мысль не пройдет мимо заинтересованного читателя. Сознание – явление многомерное до неис-

черпаемости, это целая вселенная, «universe of the imagination», по выражению Д. Юма, и в его познании переплетаются точные методы и эмпатия, логика и интуиция, наука и искусство.

Литература

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М., 1983.

Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» // Вопросы философии. 2008, № 1. С. 19–28.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

Касавин И.Т. О семиотически-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л.С. Выготского) // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 152–166.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005а.

Петренко В.Ф. Что есть истина? (Или наш ответ Лорду Чемберлену) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005б. № 1. С. 93–101.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.

Улановский А.М. От семантики образа к идеям конструктивизма (послесловие) // Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2010. С. 427–438.

Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. 2005. № 4. С. 38–63.

Юм Д. Трактат о человеческой природе. Часть первая. О познании. М., 2009.

Fodor J. The Language of Thought. Harvard University Press, 1975.

Mall R.A. Experience and reason. The phenomenology of Husserl and its relation to Hume's philosophy. The Hague, Nijhoff, 1973.

И.Т. Касавин